

УДК 94(474/476)+355.48(474/476)

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ЗЕМЛЯХ В 1831 ГОДУ

В.Е. ЗАЙЦЕВ

(Белорусский государственный университет, Минск)

Дана общая характеристика использованных в ходе исследования источников и литературы. Рассматриваются основные предпосылки начала восстания 1830–1831 годов в Королевстве Польском и землях Великого Княжества Литовского, подготовка к вооруженному выступлению в Виленской губернии, его начало в марте 1831 года, ответные мероприятия российского командования. Анализируется ход военных действий в белорусско-литовских землях в апреле – августе, в том числе действия польского отряда барона Дезидерия Хлаповского, корпуса генерала Антония Гелгуда. Описан штурм Вильно в июне 1831 года, поражение и отступление повстанцев из белорусско-литовских земель. Автор выделяет причины поражения восстания на рассматриваемой территории и приводит некоторую информацию о численности его участников и потерях с их стороны, дает оценку деятельности генералов А. Гелгуда и Г. Дембинского, а также подчеркивает значимость событий 1830–1831 годов в белорусской истории.

Введение. Восстание 1830–1831 годов оставило значительный след в истории Беларуси. Однако в настоящее время в отечественной историографии не все вопросы этой темы исследованы сполна, среди них и такой важный вопрос, как вооруженная борьба белорусских и литовских повстанцев с российской армией. Поэтому представляемое исследование посвящается именно этому аспекту.

По рассматриваемой теме существует большое количество источников и литературы. В работе были использованы мемуары современников тех событий: российского генерала Д.В. Давыдова [1]; польского генерала, активного участника повстанческой борьбы, – Дезидерия Хлаповского [2]; дневник воспоминаний белорусского повстанца Игнатия Ключковского [3]. Помимо этих данных, автор приводит письма Николая I главнокомандующему резервной армией графу, генералу П.А. Толстому [4]. Среди вызывающих интерес источников по военной истории XIX века полковые истории [5].

Интересующая нас тема затрагивалась в ряде исследований, опубликованных в дореволюционный период. В первую очередь, следует назвать работу А.К. Пузыревского «Польско-русская война 1831 года» [6]. Этот труд описывает ход военных действий, содержит большое количество подробных таблиц (о состоянии войск, их передвижениях, потерях), хотя и несет на себе идеологический отпечаток той эпохи. Репрессивные меры российских властей при подавлении освободительной борьбы 1831 года на рассматриваемой территории описаны в работе Д.А. Кропотова «Жизнь графа М.Н. Муравьева» [7]. Политическое положение Королевства Польского, а также белорусско-литовских земель перед восстанием анализируются в книге Ш. Аскенази [8]. Сведения биографического характера о многих участниках описанных в представляемой работе событий приведены в «Русском биографическом словаре» А.А. Половцева [9–11]. Большое внимание теме восстания уделено в польской историографии: [12–15].

В наши дни немало белорусских историков в той или иной степени успешно занимаются изучением вопроса восстания 1830–1831 годов в Беларуси [16–22].

Основная часть. После присоединения к Российской империи территорий бывшей Речи Посполитой перед Санкт-Петербургом возникла новая глобальная проблема, так называемый «польский вопрос». В начале XIX века проблема восстановления государственности на землях бывшей Речи Посполитой стала одной из центральных в европейской политике. В ходе Наполеоновских войн (1799–1815 гг.), в 1807 году было создано Княжество Варшавское. По решению Венского конгресса (1814–1815 гг.) большая его часть отошла к Российской империи, и в 1815 году на этих землях было образовано Королевство Польское, получившее от императора Александра I автономию и либеральную конституцию [8, с. 2; 6, с. 2]. Вместе с тем земли бывшего Великого Княжества Литовского не были присоединены к Царству Польскому. Таким образом, нарушалось длительное единство этих народов. Политика, проводимая по отношению к их населению не в лучшую сторону, отличалась от политики в отношении жителей Польского королевства и вела к значительному ухудшению положения народа. Эти обстоятельства вызывали недовольство у широких слоев польской общественности, а также и у передовой части граждан бывшего ВКЛ (шляхты, духовенства, студенчества), и наряду с постоянными нарушениями «либеральной конституции» российского императора Александра I стали серьезными предпосылками для начала освободительной борьбы. В любом случае, народ Речи Посполитой не мог смириться с тем, что его Отечество захвачено и разделено [19, с. 39; 15, с. 24; 16, с. 20; 8, с. 90].

В конечном итоге 29 ноября 1830 года в Варшаве началось национально-освободительное восстание. В тот день, вечером, группа из 18-ти человек совершила неудачное покушение на наместника императора в Королевстве Польском цесаревича Константина Павловича. Петр Высоцкий поднял на восста-

ние школу подпрапорщиков – отряд из 160-ти лиц направился в казармы русских и польских полков. Однако высшие польские офицеры первоначально не поддержали восставших. И только младшее офицерство вывело на улицы столицы свои роты, чем спасло восстание. К ним присоединились горожане, а затем и полки войск, генералитет, аристократия [16, с. 45].

Спустя некоторое время наместник императора сдал повстанцам все крепости, военные арсеналы и покинул пределы Королевства. Польские земли охватила революция [6, с. 8]. Оценка действий Константина сегодня – дискуссионный вопрос. Ведь, как полагали многие очевидцы Варшавских событий, у цесаревича имелись возможности подавить мятеж в «зародыше» [1, с. 27; 5, с. 173].

Известие о начале вооруженного выступления в Варшаве поступило в Санкт-Петербург в первых числах декабря 1831 года. Российское командование незамедлительно приняло меры по мобилизации своей армии и сосредоточило ее в одном месте. Главнокомандующим действующей армией был назначен граф, генерал-фельдмаршал И.И. Дибич-Забалканский. С целью нераспространения крамолы 13 декабря 1830 года в Минской, Гродненской, Виленской губерниях, Белостокской области, а также Волынской и Подольской губерниях вводилось военное положение. Эти территории передавались в подчинение графу И.И. Дибичу-Забалканскому. Таким образом, их население попадало под юрисдикцию военно-полевых законов [19, с. 43].

В последующем русским, вопреки расчетам, вследствие серьезного отпора противника не удалось разгромить польскую армию «одним ударом», в результате война приняла затяжной характер [6, с. 133].

Жесткие полицейские меры, принятые царским правлением для предотвращения распространения восстания, не смогли помешать революционному порыву многих патриотов. При поддержке эмигрантов из Варшавы для подготовки и руководства восстанием в белорусско-литовских землях в январе 1831 года был создан Виленский Центральный комитет. В различные районы направились его представители, в том числе в Минщину и Витебщину. В феврале Центральный комитет принял решение начать выступление в Виленской губернии, поскольку эта область слабо охранялась российской армией. В то время ее основные силы находились в Белостоке, Гродно, Минске и Слониме. Однако время шло, а Комитет в Вильно приказа о начале военных действий не отдавал [19, с. 44; 16, с. 62].

Тяготы русско-польской войны, возложенные российским военным командованием на население белорусско-литовских земель, вызывали у него все большее недовольство. В особенности угнетались крестьяне. Наряду с многочисленными реквизициями, наблюдались и факты злоупотреблений полномочиями со стороны военных. К примеру, в марте 1831 года в районе Слонима татарский полк нанес серьезный вред крестьянским хозяйствам, в то же время в Слонимском уезде полному опустошению подверглось усадьба помещика Н. Михайловского (имение Льяники). Подобный случай был зафиксирован и в Свислочи, где ограбили местного священника [19, с. 45]. Непростая ситуация сложилась в Жмуди [14, с. 221].

Наконец, 26 марта 1831 года повстанческие отряды, состоящие из крестьян и шляхты, напали на город Россиены Виленской губернии. Они обезоружили небольшую российскую команду и овладели населенным пунктом. Захваченная территория включалась в состав возрождавшегося Королевства Польского. Населению гарантировались свобода и равенство, зафиксированные в Статуте ВКЛ 1588 года [16, с. 63].

Это событие стало своего рода сигналом к всеобщему выступлению. За считанные дни восстание охватило Виленщину [6, с. 261]. Патриоты под предводительством Кароля Залусского всерьез начали готовиться к штурму недостаточно защищенного губернского центра. Однако захват Вильно по ряду обстоятельств, и в первую очередь из-за недостаточной военной подготовки, не был осуществлен [13, с. 19; 3, с. 62; 6, с. 263]. В то же время отрезанный от театра военных действий Виленский комитет не смог руководить ходом восстания, повстанцы каждого уезда действовали обособленно [19, с. 46]. Организующей силой выступала шляхта, она же и составляла основной костяк формирований [20, с. 192]. Среди шляхты находилось немало бывших офицеров времен наполеоновских войн [19, с. 45].

В Ворнах был устроен оружейный завод. Помощь свинцом и порохом оказывали пруссаки [6, с. 138].

Освободительная борьба затронула и Гродненскую губернию. Подготовка к восстанию здесь велась с января 1831 года. Тайная координирующая организация была основана в губернском городе. Концентрация в этом крае имперских войск не позволяла развернуть широкую борьбу за освобождение, подобно той, которая развернулась в Виленской губернии [16, с. 84].

Вооруженное выступление в Виленской губернии явилось большой проблемой для действующей российской армии, которая в результате оказалась практически неспособной вести военные действия с противником в Королевстве Польском. Фельдмаршалу И. Дибичу-Забалканскому пришлось бросить в «Литву» крупные формирования. С целью локализации опасных очагов и скорейшего подавления восстания в апреле 1831 года была создана многотысячная резервная армия под командованием генерала от инфантерии Петра Александровича Толстого с подчинением ему Витебской, Могилевской и Минской губерний, а в июне – Виленской, Гродненской губернии и Белостокской области [7, с. 277].

Первым крупным поражением повстанцев стал Ошмянский бой, который произошел 16 апреля. В этот день казаки полковника Верзилина, направленного с отрядом в 1500 человек и 4-мя орудиями для

действий против ошмянских «инсургентов», откинули небольшой отдел защитников Ошмян, ворвались в этот город и учинили жестокую расправу над населением. Итогом «кровавых» событий стали жертвы более чем 350 человек [19, с. 48; 3, с. 50]. В 20-х числах того же месяца специальные карательные отряды под руководством опытных царских военачальников (Я. Отрошенко, Н. Сулимы, С. Хилкова и др.) поочередно приступили к подавлению восстания. К концу мая 1831 года Виленщина вместе со всеми важнейшими дорогами находилась под контролем российских войск, подчиненных незадолго графу П.А. Толстому [6, с. 270]. Освободительное движение потерпело серьезный удар, повстанцы лишились оружейного завода, поставок из Пруссии, немало из них погибло в боях. Но даже после этого многие патриоты продолжали вести партизанскую войну, и в будущем примкнули к польским регулярным войскам [13, с. 22].

В то время как на территории упомянутой губернии восстание пошло на спад, его новые серьезные очаги возникли в Дисненском уезде Минской губернии. К середине мая 1831 года в этом месте сосредоточились крупные силы из различных уездов, примерно 6 тысяч человек. В конечном итоге, после ряда неудачных боев, 16 мая повстанцы объединились в Лужках. Ввиду подхода значительных российских войск они приняли решение об отступлении. В целях отвлечения внимания военного противника, провели удачный маневр (в Лепельский уезд выступил отряд в 1200 человек, который впоследствии был разбит), что позволило их значительной части (2000 чел.) успешно отступить в Виленскую губернию [16, с. 82; 6, с. 271].

Непростая для россиян ситуация сложилась в Беловежской пушце. Эта местность стала основной базой и убежищем для восставших Гродненщины. В середине апреля в пушцу перебрались члены тайного комитета. Военным руководителем избрали капитана Яна Жилинского, гражданская власть закрепилась за Каролом Немцевичем [16, с. 85]. Формирования повстанцев оставались немногочисленными, также не хватало опытных предводителей, вооружения. В мае патриоты перешли к активной партизанской войне, нападали на небольшие отряды и транспорты, почты и т.п. Российскому командованию, вопреки предпринимаемым серьезным попыткам, не удавалось ликвидировать противника [14, с. 225; 6, с. 273].

До момента создания специальных следственных комиссий, жестокие расправы над белорусскими и литовскими бунтовщиками осуществляли военно-полевые суды [16, с. 157; 18, с. 112; 22, с. 122].

На начальном этапе освободительной борьбы, руководство восставшей «Польши» не оказывало военной поддержки «литвинам» (жителям ВКЛ). Некоторые шаги навстречу «занеманским братьям» начали делаться с февраля месяца, а с апреля Национальное правительство осуществляло попытки направить в «Литву» армейские части. Изначально, в силу ряда причин, осуществить задуманное не удавалось. Впоследствии это сумел сделать талантливый генерал, бывший адъютант Наполеона, Дезидерий Хлаповский [19, с. 53], который 23 мая во главе 100 офицеров и унтер-офицеров военных инструкторов, 100 стрельцов и 1 уланского полка, при 2 конных орудиях вступил в Беловежскую пушцу, а вскоре – в Гродненщину. Задачей польского командира было пересечь границу Королевства Польского и оказать помощь повстанцам Виленской губернии [12, с. 357].

Барон Д. Хлаповский 27 мая вошел на территорию Волковысского уезда. По пути ему удалось перехватить посыльного, следовавшего из Слонима в Белосток. Командир сделал довольно необычный для военного времени поступок – он направил гонца обратно с письмом, в котором предлагал находившейся в то время в Белостоке вместе с супругом Константином Павловичем княгине Жанетте Ловицкой (сестра жены Дезидерия) встречу. По вполне понятным причинам эта встреча в конечном итоге не состоялась, и в ближайшем времени цесаревич вместе со своей больной холерой супругой спешно покинули город [16, с. 88]. Судьба великого князя Константина, наместника императора Николая I в Королевстве Польском и негласно на землях бывшего ВКЛ, талантливого военачальника, закончилась трагически. В середине июня 1831 года он мучительно умер от холеры в Витебске [9, с. 155].

Весной – летом 1831 года эта страшная болезнь свирепствовала в России. Она унесла многие людские жизни. От холеры скончался и российский генерал-фельдмаршал И. И. Дибич-Забалканский [10, с. 353].

Генерал Д. Хлаповский продолжал продвигаться вглубь белорусских земель, проявляя свой блестящий полководческий талант, постоянно вводя в заблуждение противника относительно своего дальнейшего маршрута следования, активно распространяя неверные слухи о том, что якобы его отряд является всего лишь арьергардом польского корпуса. На своем пути он брал в плен российских солдат и офицеров, присоединял к себе новые силы повстанцев, пополнял запасы оружия и трофеев [6, с. 275; 19, с. 54]. После победного боя 31 мая с российским Виленским пехотным полком под Лидой армия полководца насчитывала уже порядка 5000 тыс. человек и 6 орудий. В этот день его отряд разделился: одна часть – 2 тыс. повстанцев и 4 орудия (в основном кавалерия) – направилась через Радунь на Вильно, другая – 3 тыс. повстанцев и 2 орудия – на Мосты [16, с. 91]. В планы повстанческого генерала входила организация выступления в районе Припяти, то есть в далеком тылу российской армии [13, с. 42].

Подход польских регулярных войск способствовал активизации боевых действий повстанцев Беловежской пушцы. Русские бросили в эту местность значительные военные части, которым, несмотря на упорное сопротивление, в первых числах июня удалось разбить неприятеля [6, с. 286].

В начале июня 1831 года генерал Дезидерий Хлаповский получил приказ присоединиться к бывшему в Виленщину для поддержки «литвинов» 12-ти тысячному корпусу генералов Антония Гелгуда и Генрика Дембинского. В результате состоявшегося 10 июня объединения А. Гелгуд принял на себя командование всеми польскими войсками в белорусско-литовских землях [17, с. 105]. На следующий день было создано Временное повстанческое правительство, его полномочия распространялись на территорию бывшей Виленской губернии. Согласно инструкции, полученной из Варшавы, началось формирование «посполитого рушання». Мобилизация проходила быстрыми темпами [16, с. 91].

Недостаточно опытный главнокомандующий Антоний Гелгуд не получил конкретных инструкций к действиям от вышестоящего военного командования и обязался следовать советам генерала Г. Дембинского [12, с. 361]. Под влиянием различных мнений генералов своего корпуса он действовал нерешительно, рассредоточивал силы и не воспользовался благоприятной обстановкой для захвата слабо защищенного Вильно, вопреки убедительным советам барона Д. Хлаповского, у которого в середине июня в руках даже оказалась карта с диспозициями российских войск после оставления города. Занятие этой твердыни имел бы огромное стратегическое и политическое значение [13, с. 62; 6, с. 310]. Как свидетельствуют исторические описания, царские войска, оборонявшие столицу ВКЛ, сильно опасались своего противника [6, с. 311; 12, с. 365; 13, с. 62]. В доказательство можно привести и тот факт, что никто из их командующих не решался взять руководство обороной губернского центра на себя. Впоследствии это важное дело было доверено французскому инженеру генералу Теннеру, служившему в свое время при Наполеоне [2, с. 77]. Генерал Антоний Гелгуд также не осуществил и других стратегически важных на то время действий, обрекая повстанческое войско на неудачу. Тем временем российской армии удалось стянуть для обороны Вильно значительные подкрепления и укрепиться на подступах к городу, в частности на ключевой позиции – Понарских высотах. Предпринятый 19 июня штурм был запоздалым. В тот день, накануне военных действий, соотношение сил было следующим: 24 тыс. человек и 72 орудия удалось собрать русским у Вильно, из них противостояли Гелгуду 17 тыс. при 58 орудиях; их противник собрал в окрестностях города 20 тыс. повстанцев и более 30 орудий. Однако в бою приняло участие лишь немного более половины из них и около 30 орудий [12, с. 367].

В ходе боя повстанцы неправильно повели атаку, из-за рельефа местности не имели возможности эффективно использовать артиллерию, начали преждевременно отступать и потерпели поражение. В этом сражении негативным образом сказались некомпетентное руководство командующего А. Гелгуда [6, с. 315]. Вместе с тем поляки, литовцы и белорусы шли в атаку с позитивным настроением, сражались мужественно и храбро. Это подтверждают описания события как польскими, так и российскими историками [12; 13; 6]. Потери союзных войск в жестоком бою у Понарских высот составили 2000 человек убитыми ранеными, пленными и дезертировавшими, к тому же в рядах начал наблюдаться упадок духа. В то же время у защитников города выбыло из строя не менее 400 человек [12, с. 370].

Как отмечал полковник В. Крестовский, поражение под Вильно, по сути, предрешило дальнейший ход восстания в белорусско-литовских землях [5, с. 221]. В течение нескольких дней командованию русской резервной армии удалось сосредоточить к городу крупные силы, тем самым обеспечив себе многократное превосходство над неприятелем, и начать масштабное наступление.

Не следует полагать, что после неудачного боя под столицей ВКЛ повстанцы потерпели полное поражение. Их генералы попытались овладеть стратегической инициативой – закрепиться за линией Ковно – Вилькомир и вербовать за ней новые значительные силы из местных уроженцев, и таким путем предполагалось перейти к позиционной войне. Этот смелый план был сорван частями русской резервной армии. Неудачной была и попытка командующего Антония Гелгуда осуществить общее отступление в Королевство Польское [12, с. 372]. Благодаря значительному численному превосходству, россиянам удалось постоянно теснить отступавшего неприятеля, хотя окружить так и не удалось [11, с. 76].

В конечном итоге большая часть повстанцев перешла границу Пруссии и там сложила оружие. При переходе польским капитаном Стефаном Скульским выстрелом в грудь был убит генерал Антоний Гелгуд. Так этому изначально непримечательному офицеру удалось навсегда войти в историю [6, с. 327].

Тем временем польский генерал Генрик Дембинский вместе с отрядом в 4000 человек при 6 орудиях принял решение отступать в Королевство Польское. Командир хорошо осознавал всю сложность этого предприятия, так как в то время весь край был обложен царскими войсками. Осуществляя отступление, он рассчитывал на поддержку местного населения, и не ошибся. При подходе славного генерала, патриоты Гродненщины активизировали свою деятельность, многие из них примкнули к его отряду. В конечном итоге Г. Дембинский смог выполнить поставленную задачу – пересечь границу Царства, и в начале августа вступить в Варшаву [19, с. 57].

После отступления из белорусских уездов польской армии восстание на землях бывшего ВКЛ пошло на спад. В связи с его подавлением в августе была упразднена резервная армия графа П. А. Толстого [11, с. 76]. Отдельные очаги выступлений, продолжавшиеся до осени, уже не могли изменить общую ситуацию [16, с. 102].

В мае – июне 1831 года повстанческое движение распространилось и на некоторые южные уезды Минской губернии: Мозырский, Речицкий и Пинский. Однако здесь оно было менее масштабным, нежели в других районах, всего в этих районах действовали примерно 1300 чел. Отличился отряд из Пинского уезда под руководством поручика Тита Пусловского. В начале августа в его рядах насчитывалось около 1000 повстанцев. Формирование комплектовалась выходцами из Пинского, Слонимского, Кобринского и Новогрудского уездов. Тем не менее вооруженную борьбу патриотов в трех южных белорусских уездах жестко подавила царская армия [16, с. 100]. Некоторые повстанцы-белорусы вместе с отступившей польской армией оказались в Королевстве Польском. Часть из них приняла участие в работе общепольского сейма и Литовского комитета [16, с. 107]. Однако в то время ход истории было уже не изменить, 8 сентября 1831 года под упорным натиском превосходящих российских войск пала Варшава. Последние польские войска перешли границу Пруссии в начале октября; 21-го числа того же месяца русским сдались последняя крепость Замостье [21, с. 28].

Заключение. Восстание 1830–1831 годов по своему характеру определяется как национально-освободительное. Этот эпизод белорусской истории – борьба сынов за вольность и веру – заслуживает уважения. Передавая часть граждан бывшей Речи Посполитой, в том числе и белорусов, с оружием в руках поднялась против большой несправедливости, обращенной против них, – унижительного захвата и раздела Отечества.

Причин поражения освободительной борьбы 1831 года в белорусско-литовских землях достаточно много. На начальном этапе – это недостаточное оказание поляками поддержки, отсутствие у повстанцев общего руководства, лидера, несогласованность их действий. Серьезным фактором стало военное превосходство царских войск.

Подход отряда генерала Дезидерия Хлаповского в 20-х числах мая способствовал активизации повстанческого движения. После вступления в «Литву» польского корпуса главной причиной военных неудач стала некомпетентность главнокомандующего Антония Гелгуда. Но оценивая его деятельность, напомним, что, будучи назначенным на эту должность, он не получил конкретных инструкций к действиям, и в то же время обязался следовать воле генерала Г. Дембинского, который в свою очередь не проявил себя как достойный и опытный командующий.

Существенным недостатком по большому счету была неспособность повстанческих предводителей привлечь на свою сторону крестьян, составлявших на то время абсолютное большинство населения Российской империи.

В свою очередь, для более опытной и подготовленной российской регулярной армии эта война не была простой. По этому поводу, анализируя письма Николая I к командующему резервной армией генералу П.А. Толстому, можно заметить обеспокоенность Государя. «Инсургенты», в противоположность россиянам, хорошо знали местность, имели повсюду информаторов и пользовались этим как значительным преимуществом.

Всего за весь период рассматриваемого восстания в нем приняло участие тем или иным способом в Королевстве Польском 140 тыс. человек, а вместе с землями бывшего ВКЛ общая цифра достигает 200 тыс.

Сложно подсчитать людские потери в ходе военных действий в белорусско-литовских землях. Со стороны повстанцев их количество предположительно исчисляется более чем несколькими тысячами. Значительно меньше российских солдат и офицеров погибли на полях боя, вместе с тем серьезный урон нанесла холера.

Национально-освободительное восстание 1830–1831 годов является составной частью в контексте общеевропейской истории. Те проблемы, которые впервые встали во время восстаний 1794 и 1830–1831 годов, оказали прямое влияние на дальнейшее развитие освободительного движения в Беларуси. Поэтому данная тема нуждается в глубоком исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов, Д.В. Записки партизана: воспоминания о польской войне 1831 года / Д.В. Давыдов // Рус. старина. – 1872. – Т. 6, № 7. – С. 1–38; Т. 6, № 10. – С. 309–390.
2. Chłapowski, D. Pamiętniki: [w 2 cz.] / D. Chłapowski. – Poznań: Nakładem synów, 1899. – Cz II: Wojna roku 1830–1831. – 126 s.
3. За вольнасць і веру: Ігнацій Ключоўскі і яго ўспаміны аб падзеях паўстання 1830–1831 гадоў / уклад., пер. на беларус. мову, уступ. арт., камент., паказ. В.В. Гарбачовай. – Мінск: Лімарыус, 2007. – 117 с.
4. Николай Павлович, имп. Письма к гр. П.А. Толстому, 1828–1831 гг. / имп. Николай Павлович // Рус. старина. – 1881. – Т. 31, № 8. – С. 547–568.
5. Крестовский, В. История Лейб-гвардии уланского его Величества полка / В. Крестовский. – СПб.: Тип. Второго Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1876. – [10], 354, 176, X с.

6. Пузыревский, А.К. Польско-русская война 1831 г. / А.К. Пузыревский. – СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петерб. воен. окр., 1886. – [2], XIII, 446, ССХVII с.
7. Кропотков, Д.А. Жизнь графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. Биографический очерк / Д.А. Кропотков. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1874. – 549 с.
8. Аскенази, Ш. Царство Польское, 1815–1830 гг. / Ш. Аскенази; пер. с пол. В. Высоцкого. – М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. – 167 с.
9. Русский биографический словарь: в 25 т. – Репр. воспр. – М.: Аспект Пресс, 1992–2000. – Т. 9: Кнаппе – Кюхельбекер. – 1995. – 708 с.
10. Русский биографический словарь: в 25 т. – Репр. воспр. – М.: Аспект Пресс, 1992–2000. – Т. 6: Дабелов – Дядьковский, 1996. – 748 с.
11. Русский биографический словарь: неопубл. материалы: в 8 т. / подгот. под наблюдением М.П. Лепехина. – М.: Аспект Пресс, 1997. – Т. 5: Тобизен – Тургенев. – 1999. – 303 с.
12. Tokarz, W. Wojna polsko-rosyjska, 1830 i 1831 / W. Tokarz. – Warszawa: Volumen, 1993. – 588 s.
13. A.Z. Wojna na Litwie w roku 1831 / A.Z. – Kraków: Skł. gł. w księg. G. Gebethnera i Spółki, 1913. – 124 s. Sosna, U.A.
14. Sokołowski, A. Dzieje powstania listopadowego, 1830–1831 / A. Sokołowski. – Repr. – wieden: Nakl. Fr. Bondego, 1997. – Poznan: Kurpisz, 2002. – 318 s.
15. Zajewski, W. Powstanie listopadowe, 1830–1831: polityka – wojna – dyplomacja / W. Zajewski. – Torun: Marszałek, 2002. – 333 s.
16. Гарбачова, В.В. Паўстанне 1830–1831 гадоў на Беларусі / В.В. Гарбачова. – Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2001. – 184 с.
17. Гарбачова, В.В. Удзельнікі паўстання 1830–1831 гадоў на Беларусі: біябліягр. слоўн. / В.В. Гарбачова. – Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2004. – 398 с.
18. Радзюк, А. Дзейнасць гарадзенскай следчай камісіі 1831–1834 гг. / А. Радзюк // Гіст. альм. – 2008. – Т. 14. – С. 112–130.
19. Радзюк, А. Паўстанне 1830–1831 гг. на Гродзеншчыне: ход, задушэнне, наступствы / А. Радзюк // Беларус. гіст. зб. = Białorus. zeszyty hist. – 2010. – № 34. – С. 39–71.
20. «Польскае» паўстанне 1830–1831 гг. і беларускае сялянства / У.А. Сосна // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Беларус. гос. ун-т; редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2009. – Вып. 4. – С. 191–197.
21. Лаўрэш, Л. Паўстанне 1830–1831 гг.: да 180-х угодкаў / Л. Лаўрэш // Лід. летапісец. – 2011. – № 4. – С. 18–28.
22. Бригадин, П.И. Минские губернаторы: история власти / П.И. Бригадин, А.М. Лукашевич. – Минск: Гос. ин-т упр. и соц. технологий Беларус. гос. ун-та, 2009. – 351 с.

Поступила 28.06.2014

MILITARY ACTIONS IN THE BELARUSIAN-LITHUANIAN LANDS IN 1831

V. ZAITSEV

In the given article, its general characteristics used in their preparation of sources and literature. Discusses the basic premises of the beginning of the uprising of 1830–1831 in the Polish Kingdom and on the lands of the Grand Duchy of Lithuania, the preparation for an armed intervention in Vilno province, its beginning in March 1831, the response of the Russian command. Considered the course of the military actions in the Belarusian-Lithuanian lands in April-August, including actions of the Russian reserve army P.A. Tolstogo, Polish detachment of baron Desiderius Chlapowski, corps general Anthony Gelguda. Described the storming of Vilno in June 1831, defeat and retreat of the rebels of the Belarusian and Lithuanian lands. The author points out the reasons for the defeat of the uprising in the area under consideration, and provides some information on the number of its participants and losses on their part, gives an assessment of the activities of generals A. Gelguda and, G. Dembinski, and also emphasizes the importance of events 1830–1831, in Belarusian history.